

**ФИЛОСОФИЯ СОБЫТИЯ А. БАДЬЮ**

The article is dedicated to the problem of event in contemporary philosophy and, in particular, in the conception of Alain Badiou. It is emphasized that an actuality of the concept of event in the XX century philosophy is symptomatic, for it illustrates philosophy's striving for being in contact with living political and existential experience. In the article the basic postulates and principal concepts of A. Badiou's philosophy are considered, such as «situation», «counting as one», «state of situation», «event», «subject of event». Following Badiou, because ontological status of an event is undecidable, existence of an event cannot be derived from knowledge about its historical circumstances, comprehensive and detailed as such knowledge may be. The conclusion is made, that recognition of an event depends not only on a historical research, but also on a political gesture of fidelity to an event.

**Введение.** Обращение к теме события – одна из специфических особенностей философии XX в., своеобразный «маркер», указывающий на ее попытки уйти от самодовлеющего теоретизма в поисках практически значимого (социально, экзистенциально) знания. В этом контексте французская философия события является одновременно и универсальным феноменом, позволяющим оценить некие базовые устроения современной философии в целом, и локальным феноменом, так как ее возникновение – это вполне конкретный ответ на конкретный вызов. Речь в данном случае идет о реакции французских интеллектуалов на интерпретацию Французской революции, представленную в работах историков так называемой «ревизионистской школы» в лице Д. Рише, М. Озуф и, в первую очередь, Ф. Фюре.

Романтическая идентификация с революционным наследием является одной из конститутивных элементов «национального воображаемого», по-видимому, основной части французов, поэтому вызов ревизионистской школы, адресованный французской историографии (и не только ей) прочитывается уже на уровне стремления совместить патриотическую позицию с объективным, дистанцированным и нейтральным подходом к предмету. В духе традиций знаменитой школы «Анналов» ревизионисты настаивают на том, чтобы не верить участникам исторических событий «на слово», но фокусироваться на объективных свидетельствах – документах, фактических данных и т. д.

Одним из важнейших результатов этой работы стало появление солидной и получившей широкое признание книги Ф. Фюре «Постижение революции» (1978), где историографическая точность противопоставляется идеологической нагруженности марксистских трактовок революции, доминировавших тогда в культурном пространстве Франции. Скандальным моментом ревизионистской интерпретации стало то, что под вопросом оказался событийный статус революции: как показывает Фюре, многообразные процессы, происходившие во фран-

цузском обществе в конце XVIII в., не обладают единым историческим содержанием. Так, фактически имели место три разнонаправленные и непосредственно не связанные между собой революции – крестьянская, городская и революция элит [1].

Попытка ревизионистской школы расставить точки над «i», «завершить революцию» по сути оказалась ее проблематизацией и инспирировала появление ряда проектов, нацеленных на переосмысление как события Французской революции, так и концептуализацию «события» как такового. Одним из таких интеллектуальных откликов наряду с работами К. Лефора, Ж. Рансьера и других стала философия события А. Бадью [2, с. 190].

**Основная часть.** В начале своего фундаментального труда «Бытие и событие» А. Бадью демонстративно порывает с традиционными представлениями об онтологии, выдвигая неожиданный тезис о том, что подлинной наукой о бытии-как-бытии является математика. Прежде всего, онтология гетерогенна традиционной оппозиции единого и многого. Единого, к которому апеллируют классические философы, просто нет; есть, или, как говорит Бадью, «предъявляет себя», множественное, которое становится предметом опыта, коль скоро оно категоризовано, упорядочено, исчислимо, классифицировано и т. д. посредством операции «счета за одно». По сути, единое философов является гипостазированной операцией «счета за одно», иначе говоря, превращенной в самостоятельный предмет операцией подведения многообразного под единство, превращения фрагментарного в упорядоченное.

Таким образом, отрицается бытие как некое подлинное измерение реальности, отличное от фактически наличного, как тотализующая подоснова мира, данная в форме присутствия или обнаруживающая себя в опыте медитирующего по его поводу субъекта. В результате онтология как философская наука становится невозможной в силу отсутствия ее предмета – бытия как такового. Математика, альтернатива философской онтологии, интерпретируется как наука,

объектам которой ничего не соответствует в реальности в силу того, что она выявляет сами условия объективности. Как пишет Бадью: «истина состоит в том, что *не существует* математических объектов. Математика не *предъявляет* в строгом смысле слова *ничего*, не будучи, тем не менее, пустой игрой, потому что не имеет ничего для предъявления, кроме самого предъявления, то есть Множественного, и, таким образом, не соответствовать форме предмета (à la forme de l'objet) является несомненным условием дискурса о *бытии-как-бытии*» [3, p. 13].

Реконструируя основные моменты математизированной онтологии Бадью (и, по возможности, сводя к минимуму использование математических метафор), следует начать с положения, в соответствии с которым базовым уровнем реальности является символически неструктурированное множественное. Для обозначения этого уровня действительности Бадью использует канторовское понятие консистентного («несосчитанного») множества, в рамках которого нельзя выделить некие устойчивые единицы-элементы, порядок, композицию. Строго говоря, чистое множественное невосприимчиво и его наличие определяется «задним числом». «“Множественным” действительно называется эффект предъявления, когда оно ретроактивно схватывается в качестве неединого, коль скоро бытие единое есть результат» [3, p. 33].

Реальность, доступная восприятию (образующая порядок Бытия), – это множественное, по отношению к которому проделана операция «счета за одно». Такой тип множества Бадью обозначает с помощью термина «ситуация». Примером ситуации может служить любой целостный комплекс фактов и явлений, будь то «искусство новой вещественности», «французское общество конца XVIII в.», «мои текущие жизненные обстоятельства», «обстановка на кафедре» и т. д.

Чтобы ситуация могла быть «сосчитана за одно», воспринималась в качестве таковой, структура ситуации должна быть продублирована на символическом уровне, обозначена или, как говорит Бадью, не только предъявлена, но и представлена. Скажем, все мы живем в обществе, реальность которого для нас несомненна, но как некий мегаобъект общество обретает свое существование благодаря функции представительства, которую берет на себя государство.

Важным концептуальным моментом является то, что всякое представление одновременно избыточно и недостаточно. Так, с одной стороны, инстанция, которая переводит ситуацию в состояние ситуации, не является нейтральной, но привносит в нее собственные эффекты. Например, хотя в идеале функция

государства сводится к обслуживанию интересов граждан, на практике всякий государственный аппарат автономен и обнаруживает себя как противостоящая гражданам сила, активно формирующая саму социальную ткань. Перефразируя С. Жижека, можно сказать, что либеральная идея государства как нейтральной регулирующей инстанции, которая просто поддерживает естественным образом сложившееся status quo, столь же фиктивна, как и само представление о естественно складывающемся в социуме положении дел [4, p. 129].

С другой стороны, представление ситуации является принципиально недостаточным: в рамках любой ситуации есть, по крайней мере, один элемент, который принадлежит ей, но символически не представлен. В качестве примера такого элемента можно привести пролетариат времен индустриальной революции: будучи важнейшей составляющей материального воспроизводства общества, он, тем не менее, остается для него невидимым, так как его фактическое существование не вписано в символическую картину социума.

Подводя промежуточный итог онтологических изысканий Бадью, можно сказать, что на досимволическом уровне бытие есть чистое, неуловимое (в силу своей неструктурированности) множественное, на символическом уровне оно представляет собой нетотализуемую совокупность ситуаций, для которых нет и не может быть единого горизонта. При этом для всякой ситуации характерна избыточность репрезентации, скрывающая некую внутреннюю пустоту. Важно подчеркнуть, что в концепции Бадью бытие лишено возвышенных коннотаций. Порядок бытия – это «гомогенный и абстрактный универсум, где “все кошки серы”... мир государственного закона и ньютоновской науки. Он не может быть историческим и политическим миром, в котором субъекту приходится принимать рискованные решения с непредвиденными последствиями» [2, с. 211]. Порядку бытия коэкстенсивна сфера «знания», дискурса, который описывает наличные ситуации и тем самым легитимирует их.

То, что Бадью называет событием, разворачивается в измерении, несовместимом с позитивным порядком бытия, и является невозможным с точки зрения знания о ситуации. Так, можно подвергнуть тщательному разбору состояние общества предреволюционной Франции, выявить его структуру, экономические и идеологические конфликты, но любое количество данных не позволит предсказать событие Французской революции. Событие, если оно действительно является таковым, сингулярно, т. е. обусловлено социально-культурным контекстом, но принципиально невыводимо из него.

Невоспринимаемость события для агента, опирающегося на знание о ситуации, не означает, впрочем, что событие приходит «извне» и являет собой вторжение ноуменального в область законообразного феноменального опыта. С точки зрения Бадью, событие вырастает в недрах самой ситуации, из ее внутренней рассогласованности, избытка, скрывающего пустоту. Событие трансцендирует ситуацию в том смысле, что нарушает гипнотическую зачарованность акторов привычными, кажущимися неизменными, реалиями и предоставляет возможность занять точку зрения как бы «по ту сторону» сложившихся обстоятельств, с которой ситуация может быть воспринята целиком, могут быть выхвачены ее противоречия и внутренние лакуны. В этом смысле Бадью говорит о событии как «истине ситуации», истине исторически конкретной, но непреложной.

Из сказанного выше следует, что онтологический статус события неопределен. Занимая нейтральную, отстраненную позицию (или стремясь к ней на уровне декларации), невозможно решить окончательно, имело ли место событие или нет. Действительно, объективные факторы, взятые сами по себе, могут использоваться в качестве свидетельств как в пользу, так и против события, поэтому главным моментом оказывается решение самого интерпретирующего. Другими словами, пространство, в котором может быть засвидетельствовано событие – это пространство субъективного опыта.

Здесь мы затрагиваем еще одну важную категорию философии Бадью – категорию субъекта события. Нужно сказать, что французский философ понимает субъективность в смысле несколько отличном от конвенционального употребления этого понятия, так как в данном случае речь не идет о субъективности как о нормальном режиме функционирования человеческой психики, запускаемом в процессе социализации. Скорее Бадью интересуют те случаи, когда фрагментарный индивидуальный опыт приобретает чрезвычайную цельность и обретение этой цельности мыслится не как результат самокультивирования личности, но, напротив, как ее подчинение некой инстанции, превышающей по мощи личностное начало, а именно – принудительной очевидности события. Субъекта можно определить как агента, который от лица истины, высвечиваемой событием, вмешивается в историческую ситуацию, активно выискивает и утверждает в ней его последствия. Центральным моментом, конституирующим такого субъекта, является его «верность» событию, готовность сделать на него ставку в игре, риски и итоги которой не поддаются определению. При этом в корне неверно утверждать, что событие зависит от про-

извола субъекта: как показывает Бадью на примере опыта участников движения французского Сопротивления [5, с. 95–102], конститутивным моментом опыта субъекта оказывается переживание трансцендентного, принудительного характера события.

В отношении проблемы онтологического статуса события можно зафиксировать, что оно поддается идентификации только в акте «вмешивающейся интерпретации», т. е. интерпретации, которая не претендует на чистую дескрипцию, но берет на себя смелость нечто провозглашать. Истина (события) по своей сути перформативна, в то время как знание (ситуации) ограничивается констатацией. В этом смысле «событие включает в себя субъективность: ангажированная “субъективная точка зрения” на событие является частью самого события» [4, р. 137].

**Заключение.** Возвращаясь к контексту, в котором формируется французская философия события, постараемся представить концепцию Бадью концентрированно, как ответ на проблематизацию Французской революции в работах ревизионистской школы. В координатах философии Бадью, лишая революцию ее событийного статуса, Франсуа Фюре, несомненно, прав, но его правота опирается на ложные основания. Результаты, достигнутые Фюре, показывают, что событие невыводимо из комплекса знаний о ситуации, истину которой оно выявляет, самый детальный исторический анализ не обнаружит объективных оснований события в силу того, что его артикуляция – не только дело научного анализа, но и политический по своей сути акт выражения приверженности. В этом смысле позиция историка, настаивающего на том, что событие действительно имело место, и просматривающего в истории следы событийного излома, аналогична позиции исторического адепта события.

### Литература

1. Фюре, Ф. Постигание французской революции / Ф. Фюре; пер. с фр. Д. В. Соловьевой. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1998. – 224 с.
2. Магун, А. Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта / А. Магун. – СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. – 416 с.
3. Badiou, A. L'être et l'événement / A. Badiou. – Paris: Sueil, 1988. – 572 p.
4. Zizek, S. The ticklish subject: the absent centre of political ontology / S. Zizek. – London, New-York: Verso, 2000. – 409 p.
5. Бадью, А. Метapolитика: Можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метapolитике / А. Бадью; пер. с фр. Б. Скуратова, К. Голубовича. – М.: Логос, 2005. – 240 с.